

Александра Белова • Лиа Таур



Просто
парфюмер
#4

Ли́а Таур
Александра Белова
Просто парфюмер 4
Серия «Просто парфюмер», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73988522

*Просто парфюмер. Том 4 / Ли́а Таур и Александра Белова: Авторские;
2026*

Аннотация

Я – гениальный парфюмер, живущая в мире утончённых ароматов и высокого искусства. Он – харизматичный повар, чья жизнь наполнена запахами пряных специй и домашнего уюта. Наши миры не должны были пересечься, но случайная встреча заставляет меня усомниться в собственных предубеждениях. Говорят, истинная гармония рождается на контрасте, а у настоящей любви может быть самый неожиданный аромат. Что ж, это мы ещё проверим.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Лиа Таур и
Александра Белова
Просто парфюмер. Том 4**

Серия «Просто парфюмер»

© Лиа Таур, 2026

© Александра Белова, 2026

Глава 1

Стоя на месте уже почти минуту и глядя на костюм в своих руках, я никак не могла отделаться от неприятного чувства.

– Ни за что, – хмыкнула я. Мой голос прозвучал так, будто зачитывала смертный приговор. – Ты это не наденешь.

Роман непонимающе уставился на вешалку. С неё уныло свисал жуткий атласный смокинг. Потом он перевёл взгляд на меня. Я держала этот кошмарный предмет гардероба двумя пальцами, словно дохлую крысу, которую только что нашла под раковиной.

– А что с ним не так? – совершенно искренне удивился он. – По-моему, отличный костюм. Нарядный. Даже блестит вон, переливается на свету.

– Именно! Он блестит! – я чуть не взвизгнула от негодования, чувствуя, как дёргается глаз. – Этот дешёвый атласный блеск, Рома! Так выглядят фокусники-неудачники в провинциальных цирках. Или официанты на очень плохих и дешёвых свадьбах! Я не могу привести тебя в этом на приём к послу Франции! Люди же просто ослепнут, как только ты войдёшь в зал!

– Ну, если подумать, я ведь почти официант, – он пожал плечами, ничуть не обидевшись на мою тираду. – Только на колёсах и сам себе начальник. И немного фокусник. Я беру

сырую курицу, обычный лаваш и превращаю их в хорошее настроение для десятков людей. Разве это не настоящая магия?

Я издала странный звук. Что-то среднее между стоном и шипением. Убедить этого упрямого человека выглядеть прилично оказалось сложнее, чем создать идеальный парфюм, который понравился бы каждому человеку на планете. Это была просто невыполнимая миссия. Но я сама загнала себя в эту ловушку, оставшись у него в долгу.

Когда мне на почту пришло приглашение на этот ежегодный благотворительный вечер, я сразу захотела вежливо отказаться. Одна только мысль о том, чтобы тащиться в это змеиное гнездо, вызывала у меня жуткую мигрень. Там все гости оценивают друг друга исключительно по стоимости швейцарских часов и дизайнерских платьев.

Но потом... потом я посмотрела на Рому. Он сидел за столом на моей кухне. У него горели глаза, пока он увлечённо объяснял мне секрет хруста маринованных огурчиков. И в моей голове вдруг родилась совершенно безумная идея. Я захотела увидеть его там. В моём привычном мире снобов. Это было похоже на опасный химический опыт на уроке в школе. Что будет, если смешать два несовместимых элемента? Мой холодный мир высокого снобизма и его тёплый мир честной, ароматной шаурмы. Случится громкий взрыв? Или родится что-то совершенно новое и прекрасное?

После долгих, изматывающих препирательств мы всё-та-

ки пришли к компромиссу. Я тяжело вздохнула и сдалась. Разрешила ему надеть тёмные, классические джинсы. Они сидели на нём просто идеально. Но, в качестве условия, к ним шла белоснежная, выглаженная рубашка и дорогой пиджак. Этот пиджак я буквально заставила его купить в бутике, угрожая всеми карами небесными.

Когда он наконец вышел из примерочной, я на одно мгновение забыла, как нужно дышать. Без своего вечного рабочего фартука, который всегда был перепачкан соусами, он выглядел... иначе. Потрясающе. В этой строгой, но простой одежде он словно сошёл с экрана какого-то старого итальянского фильма. Высокий, сильный, невероятно уверенный в себе. Его лёгкая щетина, этот упрямый вихор тёмных волос на макушке и добрые смешинки в уголках глаз заставили сердце биться быстрее.

– Ну как? – спросил он, смущённо поправляя воротник рубашки. – Не слишком я похож на пингвина?

– Ты выглядишь... нормально, – выдавила я из себя, стараясь сохранить холодное выражение лица. – Жить можно. Пошли.

Но вся эта неожиданная магия моментально развеялась, как только мы переступили порог огромного зала. Он был ярко залит светом хрустальных люстр. Роман замер на месте. Он стоял, как напуганный олень, который внезапно оказался посреди оживлённой трассы в час пик. Вокруг нас плавали гости. Они напоминали дорогих экзотических рыб в

огромном аквариуме. Женщины в открытых вечерних платьях благоухали так сильно, словно мы попали в целый парфюмерный магазин. Мужчины в одинаковых чёрных смокингах стояли с одинаково скучающими лицами и лениво потягивали дорогое шампанское.

Из динамиков сочилась тихая, скучная музыка. И всё это великолепие тонуло в постоянном шуме пустых, ничего не значащих разговоров о погоде и акциях.

– Матерь божья, – прошептал Роман мне на ухо. – У меня такое чувство, что я припёрся на чужую свадьбу. Причём без приглашения и подарка. И все вокруг об этом прекрасно знают.

Он попытался засунуть свои большие руки в карманы джинсов. Но тут же вытащил их обратно, словно обжёгся о горячую плиту. Его широкие, уверенные рабочие плечи, которые так органично и естественно смотрелись в тесноте его фудтрака, здесь казались какими-то нелепыми и громоздкими. Сейчас он был очень похож на большого, доброго бурого медведя. Которого по ошибке завели на выставку хрупких фарфоровых кукол.

Я взяла его под руку. Изо всех сил старалась, чтобы моё лицо выражало спокойствие.

– Просто расслабься, – прошипела сквозь натянутую улыбку. – Просто стой, улыбайся и кивай головой. И ради всего святого, очень тебя прошу, не говори никому здесь про свой уличный фургон.

– А что мне говорить? – нахмурился он.

– Скажи, что у тебя... ну, скажи, что у тебя свой ресторанный бизнес. Это ведь звучит солидно.

– Так я ведь и не вру, – буркнул он себе под нос, озираясь по сторонам. – У меня и правда есть свой ресторан. Очень даже прибыльный. И крайне мобильный. С шикарным видом на любую точку нашего города.

Первые полчаса стали для нас настоящей пыткой. Для нас обоих. Я отчаянно пыталась втянуть Рому в светскую беседу с гостями. Но это было всё равно что учить дельфина свободно говорить по-французски. Бесплезное занятие.

– Филипп Аркадьевич, позвольте вам представить, – проворковала я. Я легонько подтолкнула Романа в спину, направляя его к очень известному местному искусствоведа. У этого Филиппа Аркадьевича было кислое лицо, очень похожее на старый высохший лимон. – Это Роман, мой... мой спутник на сегодняшней вечер.

– Роман, – медленно протянул искусствовед. Он брезгливо смерил Рому взглядом с головы до самых ног. – Какое простое, но в то же время звучное имя. Вы, должно быть, приходите из какого-нибудь старинного дворянского рода?

– Нет, что вы, я из Мытищ, – совершенно простодушно ответил Роман.

Лицо искусствоведа тут же скривилось ещё сильнее. Он моментально потерял к Роману всякий интерес, отвернул-

ся и пошёл прочь, бормоча что-то себе под нос. Я таскала Рому за собой по всему залу, как очень дорогой, но жутко неудобный женский клатч. Он уныло молчал, с каждой минутой мрачнел всё больше. Он с откровенной тоской смотрел на худых официантов, которые проносили мимо нас подносы с какими-то микроскопическими канапе.

– Ева, слушай, это что, вообще вся еда на сегодня? – с неподдельным ужасом в голосе спросил он, провожая взглядом очередной поднос. – Да этой крошечной штучкой с одной малюсенькой оливкой можно разве что зуб поковырять! Моя кошка дома и то съедает больше за один раз! Как они тут с голоду не падают?

Я видела, как ему здесь плохо. Как он буквально задыхается в этом фальшивом мире натянутых улыбок и бессмысленных, пустых фраз. И мне вдруг стало невыносимо стыдно. Стыдно за всех этих напыщенных индюков вокруг, которые судят о живом человеке только по бренду его пиджака или стоимости ботинок. И стыдно за саму себя. За то, что я насильно притащила его в этот жуткий террариум моих так называемых единомышленников.

В какой-то момент меня отвлекла жена французского посла. Она подошла ко мне и начала долго и нудно жаловаться на ужасное качество местного фуа-гра. Я вежливо кивала головой, делая вид, что мне очень интересно. Но когда я наконец-то смогла обернуться, Романа рядом со мной уже не было. Паника прокатилась по всему телу. Я начала искать его

глазами в пёстрой толпе гостей. А моё богатое воображение уже рисовало одну картину ужаснее другой.

Вот он громко спорит с местным сомелье. Доказывает ему с пеной у рта, что дорогое шампанское нужно обязательно закусывать сочной шаурмой, а не кислой клубникой. Или, что ещё хуже, он уже прорвался на кухню ресторана, и теперь стоит там, размахивая руками, и учит главного шеф-повара, как правильно нужно жарить мясо.

Я чуть не перешла на бег. Нашла его в самом дальнем углу огромного зала, прямо у большого панорамного окна. Но слава богу, он был там не один. Рядом с ним стоял седовласый, очень внушительный мужчина в смокинге. Я сразу узнала его. Это был один из крупнейших банкиров нашего города, Пётр Сергеевич. Человек с железной репутацией очень жёсткого и несговорчивого дельца. И этот самый грозный банкир сейчас... громко хохотал. Я, словно шпион из кино, очень осторожно подобралась поближе. Спряталась за огромным зелёным фикусом в напольной кадке и наостригла уши.

– ...и вот представляете себе картину, – громко донёсся до меня весёлый голос Романа. – Подходит ко мне эта фи-фа. Вся с ног до головы в бриллиантах. И таким тоном, будто делает мне одолжение просто тем, что дышит моим воздухом, спрашивает: «Молодой человек, а у вас тут есть что-нибудь без глютена? И без лактозы? Без мяса и вообще без совести?».

Банкир снова прыснул от смеха.

– И что вы ей ответили? – сквозь смех спросил он.

– Да я чуть лопатку для мяса из рук не выронил от удивления! – продолжал Роман, активно размахивая руками. – Честно говорю: «Мадам, извините, но у меня для вас сегодня есть только свежий уличный воздух и моё искреннее сочувствие. Но зато могу отсыпать этого добра совершенно бесплатно! И даже добавку дам!».

Банкир расхохотался так громко, что заставил нескольких проходящих мимо гостей обернуться в нашу сторону. К ним, очень заинтересованно покачивая бокалом с янтарным виски, подошёл ещё какой-то незнакомый мне мужчина в очках.

– Пётр Сергеевич, приветствую! А что тут у вас за веселье такое? Поделитесь с народом!

– Да вот, – радостно ответил банкир, пытаясь отдышаться от смеха. – Роман тут делится с нами секретами своего непростого бизнеса. Это просто уморительно! Рома, дружище, а расскажите-ка нам ещё раз про того грозного налогового инспектора. Который теперь стал вашим преданным постоянным клиентом!

Роман, неожиданно оказавшись в самом центре всеобщего внимания, ничуть не смутился. Наоборот, он как-то радостно расправил плечи. Он как будто даже стал выше ростом. Он снова оказался в своей родной стихии. Это была его личная сцена, и он был на ней главной звездой.

– А, ну это вообще классика жанра, – Роман весело мах-

нул рукой. – Приходит ко мне как-то такой неприятный тип. Весь из себя такой серьёзный, хмурый. В дешёвом костюме и с толстой папкой под мышкой. Начинает своим носом везде водить. Каждую бумажку мою смотрит, каждую баночку с соусом на свет проверяет. А я стою, смотрю на него и чётко вижу. Мужик-то просто голодный. И злой из-за этого, как цепная собака.

Слушатели закивали, улыбаясь.

– И что дальше? Штраф выписал? – спросил мужчина с виски.

– Щаз! – усмехнулся Роман. – Я ему молча, ничего не говоря, быстро делаю свою фирменную шаурму. С двойной порцией мяса и моим особым огненным соусом. Протягиваю ему. Он сначала, конечно, нос воротил. Мол, я при исполнении служебных обязанностей, взятки едой не беру. А я ему строго так говорю: «Слушай, ты сначала поешь нормально, как человек. А уже потом штрафуй меня, если захочешь. На сытый желудок и думается как-то легче, и штрафы получаются намного справедливее».

К ним с любопытством подошла ещё какая-то нарядная пара. Потом подошёл ещё один мужчина. Через десять минут вокруг моего Романа собралась небольшая, но очень плотная и представительная толпа гостей.

Они стояли и слушали его истории, буквально разинув рты. Искренне смеялись над его забавными байками про сумасшедших ночных клиентов. Про его вечные, кровопро-

литные войны с хитрыми поставщиками свежих овощей на рынке. Про то, как он однажды спросонья перепутал соль с сахаром. И совершенно случайно изобрёл свой новый фирменный десертный соус для курицы, который тут же стал настоящим хитом продаж.

Он не пытался им всем понравиться. Ни перед кем не лебезил и не заискивал. Он просто стоял и рассказывал им свои истории. Свои личные, настоящие, живые истории. Он щедро приправлял их своим фирменным юмором и доброй самоиронией.

Я стояла за своим большим фикусом и не могла оторвать от него глаз. Я смотрела на то, как он энергично и размашисто жестикулирует. Как он смешно морщит свой нос, очень точно изображая ту самую привередливую клиентку с бриллиантами. Как ярко горят его глаза, когда он увлечённо говорит о своей простой работе.

И тут до меня внезапно дошла одна простая, но очевидная вещь. Его сила была вовсе не в том, чтобы уметь приспособиться к этому фальшивому миру. Его настоящая сила заключалась в том, что он был другим. Он был настоящим, живым. И все эти богатые люди, которые уже смертельно устали от собственной ежедневной фальши и от вечной игры в «у кого жизнь удалась лучше», сами тянулись к нему, как замёрзшие в лесу путники тянутся к теплу костра.

Он больше не казался мне чужим на этом пафосном празднике жизни. Оказалось, что он и был сам этот празд-

ник. А все остальные вокруг – лишь скучные, серые и совершенно одинаковые картонные декорации.

Внезапно Роман замолчал. Он посмотрел поверх голов своих слушателей и поймал мой внимательный взгляд. И он улыбнулся. Не всей этой толпе вокруг него, а лично мне. А потом хитро подмигнул. В этом простом, обыденном жесте было столько невероятного тепла. Столько спокойной уверенности и столько невысказанного словами «я же тебе говорил, а ты боялась». Я просто не выдержала. Расслабилась и улыбнулась ему в ответ. Счастливо, искренне. Наверное, это было впервые за весь этот долгий вечер.

Кажется, мой безумный научный эксперимент всё-таки удался. Вот только его финальный результат оказался совершенно не таким, как я ожидала изначально. Я хотела с гордостью показать ему свой мир. А вместо этого вышло так, что он показал мой мир мне самой. Показал его во всей его смешной, напыщенной и совершенно пустой красе. И мне почему-то было совсем не грустно от этого открытия.

* * *

Этот вечер начинался для меня как очередная, скучная светская пытка. Но теперь он окончательно превратился в какой-то весёлый балаган. И главным клоуном на этой арене, к моему огромному ужасу и одновременно дикому восторгу, был мой мужчина.

Я продолжала прятаться, в руке сжимала бокал с давно выдохшимся, тёплым шампанским. Стояла и с замиранием сердца наблюдала за настоящим триумфом Романа. Он не просто умудрился выжить в этом тесном аквариуме с зубастыми пираньями. Он, судя по всему, твёрдо решил устроить прямо в нём свой собственный, уютный пруд с простыми карасями.

Его кружок благодарных слушателей разрастался с каждой минутой, прямо как тесто на хороших дрожжах. Эти серьёзные люди ещё каких-то полчаса назад с жуткой тоской в глазах обсуждали резкое падение акций на бирже и проблемы с вип-парковкой для своих дорогущих «бентли». А теперь они стояли как замороженные дети и слушали его простые байки.

– ...и вот представьте себе эту картину, – громогласно вещал Роман. – Сидит этот жирный голубь на капоте. Самый наглый из всей стаи. Он смотрит прямо мне в глаза. И его взгляд как бы говорит: «Это теперь мои сосиски, мужик. Просто смирись с этим и отойди». Пришлось мне вступать с ним в долгие переговоры!

Толпа слушателей дружно грохнула от смеха. Даже самые напыщенные и суровые физиономии банкиров трескались по швам и расплывались в искренних улыбках. Я всегда знала, что этот человек мог бы спокойно продать снег самим эскимосам зимой. А сейчас он с поразительной лёгкостью «продавал» истории из жизни уличного фудтрака высшему

светскому обществу. И они покупали их с огромным удовольствием.

В какой-то момент Роман решил, что его благодарная аудитория уже достаточно разогрета. Он снова подмигнул мне через весь зал. Затем незаметно выскользнул из плотного кольца слушателей и пропал из поля моего зрения. Я начала волноваться, но через пару минут он вернулся обратно в зал.

В своих больших руках он крепко держал небольшой серебряный поднос. Очевидно, он беззастенчиво реквизировал его у какого-то пробежавшего мимо официанта. А на этом подносе... О боже мой! На этом подносе были они. Маленькие, румяные, круглые жареные пирожки. От них на весь зал шёл такой умопомрачительный, такой тёплый, домашний и пряный аромат, что у меня тут же предательски заурчало в животе. Я почувствовала, как краснею от стыда. Мысленно поблагодарила спасительный полумрак зала за то, что никто этого не заметил.

– А теперь угощайтесь, господа! – громко объявил Роман. Он уверенно вошёл в самый центр образовавшегося круга. – Это экстренная гуманитарная помощь прямо из моего личного фургона. Пришлось совершить небольшую секретную вылазку на парковку. А то я смотрю, вас тут организаторы совсем голодом морят. Эти ваши канапе – это, конечно, очень красиво, но русская душа всегда просит настоящего праздника. И нормальной еды.

Это заявление было таким дерзким, таким наглым, и таким... в его неповторимом стиле, что я просто невольно фыркнула. Люди сначала опешили от такого поворота событий. Они недоверчиво смотрели на поднос. Но аппетитный запах сделал своё дело, и они потянулись к еде. Первым, конечно же, решился тот самый смешливый банкир, Пётр Сергеевич. Мужчина, у которого лицо обычно выражало только вселенскую скорбь по поводу падающего курса валют. Он аккуратно взял один горячий пирожок двумя толстыми пальцами. С явной опаской поднёс его ко рту. Осторожно откусил кусочек... и замер на месте, перестав жевать. Его глаза, которые обычно были холодными и очень расчётливыми, вдруг смешно округлились от искреннего изумления.

– Боже мой правый, Роман! – воскликнул он с набитым ртом. – Что это такое? Это же... это же просто невероятно вкусно! Дайте два!

Следом за банкиром к подносу смело потянулись и все остальные гости. По залу тут же пронёсся громкий одобрителный гул. Он был очень похож на жужжание большого и довольного пчелиного улья. Горячие пирожки разлетались с подноса, как... ну, собственно, как самые настоящие горячие пирожки в базарный день.

Я стояла в укрытии и с широкой улыбкой наблюдала забавную картину. Какая-то очень солидная дама в бриллиантовом колье на шее напрочь забыла про все приличия и диеты. Она пыталась незаметно стянуть с подноса сразу два пи-

рожка. При этом один из них ловко прятала в свою кружевную салфетку, воровато оглядываясь по сторонам.

И именно в этот самый триумфальный момент появился он. Аркадий Львович. Это был известный местный меценат, богатый коллекционер странной авангардной живописи и просто сноб восьмидесятого уровня. Он медленно подплыл к нашей весёлой группе. У него был вид высокомерного римского патриция, которому сейчас насильно будут скармливать грязную плебейскую еду.

Он, конечно же, не стал брать пирожок сам. Это было бы ниже его достоинства. Он гордо дождался, пока ему его предложат другие с должным подобострастным видом.

– Аркадий Львович, голубчик, вы только попробуйте это чудо! Это нечто невообразимое! – восторженно пробасил банкир Пётр Сергеевич. Он любезно протянул снобу последнее румяное угощение с подноса.

Аркадий Львович смерил этот несчастный пирожок таким ледяным взглядом, будто это быладохлаямышь, найденная на помойке. Но просто отказаться перед такой большой толпой уважаемых людей было бы крайне невежливо. Он брезгливо взял пирожок кончиками пальцев. При этом предварительно обернул их в белоснежный носовой платок. Он медленно поднёс пирожок к губам и откусил крошечный кусочек.

Он долго жевал его. Совершенно не менял своего каменного выражения лица. Словно он жевал кусок сухого карто-

на, а не шедевр кулинарии. Потом с трудом проглотил его, и брезгливо промокнул свои тонкие губы платком.

– Фи... – произнёс он. Сказал это достаточно громко и чётко, чтобы его презрительный тон услышали все присутствующие. – Какая-то дешёвая еда. Тут слишком много специй. Это ужасно вульгарно и не имеет вкуса.

Весёлый смех и громкие разговоры в толпе мгновенно стихли. В воздухе повисла очень неловкая тишина. Все взгляды тут же устремились на Романа. Ждали его реакции. Это был очень подлый удар. Настоящее публичное унижение. И оно было нанесено с холодным, злым расчётом. Я почувствовала, как у меня внутри всё сжалось от ярости. Мне безумно захотелось прямо сейчас выскочить и запустить в этого напыщенного старого павлина своим недопитым бокалом.

Но Роман даже бровью не повёл. Он остался спокоен. Медленно поставил свой пустой поднос на ближайший свободный столик, затем повернулся и посмотрел в глаза Аркадию Львовичу. И улыбнулся ему. Спокойно, уверенно и даже немного лениво.

– Извините, но это вовсе не плебейская еда, – сказал Роман ровным голосом. В его тоне не было ни единой капли обиды или злости. – Это моя личная, авторская закуска. Горячие пряные пирожки с молодым ягнёнком и свежей мятой.

– Да как бы вы это своё варево ни назвали, юноша, – зло скривился Аркадий Львович, поправляя галстук, – суть от

этого никак не меняется. Это очень примитивно. Еда для бедняков.

– Возможно, вы правы, – на удивление легко согласился с ним Роман. – Только вот в чём загвоздка... Этот мой «примитивный» рецепт...

Роман сделал красивую театральную паузу. Он медленно окинул Аркадия Львовича оценивающим взглядом с головы до ног. От его блестящих лакированных туфель до завязанного галстука.

– ...так вот, боюсь, что этот рецепт стоит гораздо дороже, чем ваша шикарная машина.

В толпе гостей кто-то громко и удивлённо ахнул. Лицо Аркадия Львовича моментально побагровело от злости. Он стал очень похож на огромный, перезрелый помидор.

– Да что за несусветная чушь! – злобно прошипел он, брызгая слюной. – Ты вообще хоть представляешь себе, сколько стоит моя эксклюзивная машина?!

– Если честно, то понятия не имею, – всё так же невозмутимо и просто пожал плечами Роман. – Я в этих ваших дорогих машинах совсем не разбираюсь. Зато я точно знаю, сколько стоит мой рецепт пирожков.

Роман сделал шаг вперёд, и его голос зазвучал чуть серьёзнее:

– Потому что в нём вложено пятнадцать лет моей жизни. В нём лежат старые секреты моей прабабки. Она была известной травницей в деревне. И эти секреты бережно пере-

давались в нашей простой семье из поколения в поколение. А ещё... – он понизил свой голос. Гости невольно подались вперёд, чтобы не пропустить ни слова. – Тут внутри есть одна особенная специя. Всего лишь малюсенькая щепотка на целый таз мяса. Я за этой специей лично езжу в одну крошечную, забытую богом деревушку высоко в горах Марокко. Её вы никогда не найдёте ни в одном самом дорогом магазине. Даже если прямо сейчас продадите не только свою машину, но и весь ваш огромный дом вместе со всей вашей скучной коллекцией картин.

Роман замолчал. И в этой тишине зала его простые слова прозвучали как суровый приговор суду присяжных. Он не просто дерзко ответил на глупое оскорбление старика. Он одним махом перевернул всю гнилую систему ценностей этого фальшивого мира с ног на голову. Он смело противопоставил их мёртвым, пусть и безумно дорогим вещам, нечто по-настоящему живое. Настоящее. Бесценное. Он противопоставил им живую историю семьи, старые традиции и свой личный опыт.

Первым эту тишину нарушил банкир Пётр Сергеевич. Он не выдержал напряжения и громко, от всей души расхохотался, крепко хлопнув Романа по плечу.

– Bravo, молодой человек! Просто bravo! Вот это я понимаю, настоящий маркетинг! Учитесь, господа! Аркадий, дружище, мне кажется, тебя только что красиво уделали, как маленького, глупого мальчишку!

Аркадий Львович стоял на месте, растерянно открывая и закрывая рот. Сейчас он больше всего напоминал выброшенную на сухой берег рыбу. Он был полностью раздавлен, уничтожен на глазах у всех. Причём он был уничтожен не грубым хамством, а совершенно убийственной логикой простого парня. Этот старый сноб, который всю свою жизнь измерял окружающий мир исключительно в денежном эквиваленте, вдруг столкнулся лбом с чем-то непонятным. С чем-то, что не имело ценника в магазине. И он просто не нашёлся, что на это можно ответить.

Так и не сказав больше ни единого слова, он просто резко развернулся и быстрым шагом позорно ретировался прочь из зала. Его провожали тихие, насмешливые смешки остальных гостей. Я медленно вышла из-за своего укрытия. Роман сразу увидел меня, наши взгляды снова встретились. Он радостно улыбнулся мне. Опять не всей этой богатой толпе, а только лично мне одной. В этой его простой улыбке было столько искреннего тепла, столько мужской уверенности, и столько невысказанного, но понятного мне «ну что, съела?». Я почувствовала, как меня с головой накрывает огромной волной. Волной совершенно всепоглощающей, безумной гордости за него.

Этот невероятный, упрямый, совершенно невозможный человек мой мужчина. Он только что легко и непринуждённо доказал всем этим напыщенным снобам одну важную вещь. Он доказал им, что настоящая ценность заключается вовсе

не в том, сколько вещь стоит в магазине. А в том, какая живая история стоит за всем этим.

И его личная история, которая так вкусно пахла пряными специями, дымом костра и честным, тяжелым трудом, оказалась намного важнее. Она была в тысячу раз дороже и интереснее, чем все их бриллианты и картины вместе взятые.

Глава 2

Возвращение со светского вечера напоминало посадку на родную планету. Будто я долго и мучительно летала в безвоздушном пространстве, а теперь гравитация сбила меня с ног. Первым делом я, пошатываясь от усталости, скинула туфли на высоченных шпильках прямо в прихожей. Эти изящные орудия средневековых пыток, казалось, уже начали пускать корни в мои бедные ступни.

Какое же это было неземное наслаждение – пройтись босиком по прохладному паркету квартиры. Вокруг стояла привычная тишина, но теперь в ней явно что-то изменилось. словно застряли фантомные отголоски раскатистого, искреннего смеха. А ещё – тёплый, запах его пирожков. Этот дурацкий, но такой уютный аромат намертво въелся в тонкую ткань моего дорогущего платья.

Я поднесла рукав к лицу и глубоко вдохнула. Да, так и есть. Ткань пахла вовсе не «лунным светом и лепестками редкой орхидеи», как было пафосно заявлено в каталоге моего парфюма. Она пахла чесноком, свежим укропом и жареным тестом. И самое странное заключалось в том, что мне это безумно нравилось. Я стояла посреди своей гостиной в платье за тысячи евро, пахла шаурмой и улыбалась, как влюблённая дурочка.

Утро встретило меня не привычной мигренью от недо-

сыпа и дорогого шампанского. Наоборот, я проснулась от странного, почти забытого чувства. Это был дикий азарт. Творческий зуд заставил меня подскочить с кровати так быстро, что я даже забыла про утренний кофе.

Я влетела в лабораторию словно на крыльях. Чувствовала себя сумасшедшим учёным, который стоит на пороге величайшего открытия. На самом видном месте моего стола стоял маленький, невзрачный стеклянный флакончик. Рабочее название на этикетке гласило: «Аромат Счастья».

Я схватила его дрожащими руками. С трепетом нанесла одну каплю на запястье, закрыла глаза и глубоко вдохнула. Дом, безопасность, любовь, тёплые мужские руки. Всё это было так просто и при этом так гениально, что совершенно не укладывалось в голове. Я годами привыкла к сложным, многосоставным формулам, к молекулярному анализу и редким абсолютам. А тут во флаконе пульсировала простая жизнь.

Я смотрела на этот стеклянный флакон, и в памяти яркой вспышкой пронеслась картина вчерашнего вечера. Я вспомнила лица всех этих богатых людей на приёме. Уставшие, пресыщенные, откровенно скучающие физиономии. Это были люди, у которых имелось всё – огромные деньги, высокий статус, безграничная власть. Но когда они пробовали простые пирожки Ромы... О, это надо было видеть! Сначала они брезгливо морщили носы от одного вида «плебейской уличной еды». Но стоило им откусить кусочек, как на лицах по-

являлось что-то настоящее. Неподдельный детский восторг. Они тянулись за добавкой вовсе не потому, что были голодны. На столах хватало чёрной икры и тарталеток с трюфелями. Они тянулись к истории. К теплу. К той самой «честности», о которой так часто твердил Рома.

И тут меня осенило. Мысль ударила в голову, как мощный разряд тока. Сначала идея показалась мне настолько дикой, нелогичной и противоречащей всему моему опыту, что я попыталась отмахнуться от неё. Как от назойливой мухи.

– Стоп, Ева, – сказала я сама себе вслух, нервно расхаживая по лаборатории. – Ты создательница эксклюзивных, штучных ароматов для избранных. Твои духи – это высокое искусство, а не ширпотреб. Их не покупают в обычных супермаркетах, их заказывают лично, как портрет у известного художника. Твои клиенты – это закрытый клуб, снобы и элита!

А тут... А что, если... Что, если сделать этот аромат не для одного богатенького сноба вроде Виктора Алексеевича? Не для узкого круга избранных? А для всех? Я рухнула в своё рабочее кресло. Эта мысль, словно компьютерный вирус, начала стремительно захватывать мой мозг. Выпустить его в массы небольшой, лимитированной серией. Сделать доступным не для тех, кто может швыряться тысячами евро не глядя, а для тех, кому это действительно необходимо. Для тех обычных людей, которые, как и я совсем недавно, забыли, как пахнет настоящий дом. Для уставших менеджеров в се-

рых офисах. Для замотанных молодых мам, которым не хватает минутки покоя. Для одиноких стариков. Дать им не просто парфюм в стекляшке. Дать им флакончик с чистыми воспоминаниями, флакончик с тёплыми объятиями.

Это было коммерческое самоубийство. Полное безумие! Моя репутация, которую я старательно выстраивала годами, держалась исключительно на недоступности. Выпустить «народный» аромат означало навсегда обесценить свой бренд. Это значило с позором скатиться с сияющих вершин высокой парфюмерии в презренный масс-маркет.

Я живо представила лицо своей властной матери. Если бы она узнала об этом, то, наверное, театрально упала бы в обморок, а потом публично отреклась бы от меня прямо на страницах модного журнала. А Филипп... Мой бывший умер бы от смеха. Он скривил бы губы, поправил кашемировое пальто и назвал это «ольфакторной благотворительностью для плебса».

Но мне было всё равно. Впервые в своей жизни я хотела создать что-то не для самоутверждения, не для того, чтобы доказать свою гениальность напыщенным конкурентам вроде француза Жан-Люка. А для того, чтобы просто поделиться с миром. Поделиться тем теплом, которое я сама совсем недавно обрела.

В стеклянную дверь лаборатории тихонько постучали. Но я знала, кто это, ещё до того, как дверь открылась. Мой натренированный нос, верный внутренний радар, уже уло-

вил знакомый запах. Пахло свежесваренным кофе и чем-то очень сладким, с яркими нотками корицы и ванили.

– Можно к вам, профессор? – в лабораторию без спроса заглянула взлохмаченная голова Романа с улыбкой на лице. На нём были привычные потёртые джинсы и футболка. В своих больших, сильных руках он держал два картонных стаканчика с кофе и пухлый бумажный пакет. Из пакета так одуряюще пахло свежей выпечкой, что у меня моментально заурчало в животе.

– Принёс утренний допинг, – сказал он, проходя внутрь моего святилища. – И взятку. Это чтобы ты на меня не сильно злилась за вчерашнее фиаско с твоим платьем. Я же видел, как на тебя пялились те наряженные индюки, когда я тебя обнял.

– За вчерашнее я на тебя не злюсь, – я не смогла сдержать искренней улыбки. – Более того, я тобой очень горжусь, Рома. Ты уделал их всех, как маленьких мальчишек.

Роман просиял. Его карие глаза хитро блеснули. Он подошёл к моему столу и аккуратно поставил свой «допинг» на единственный свободный клочок металла между колбами и весами.

– А то! Наших так просто голыми руками не возьмёшь! – усмехнулся он, доставая из пакета пышную булочку. – Ну что, как тут поживает проект? Счастье не выдохлось за ночь в твоих умных пробирках?

– Нет, – я взяла маленький флакон со стола и уверенно

протянула ему. – Оно только созрело, настоялось. И знаешь, у меня появилась одна сумасшедшая идея.

Роман осторожно взял флакончик пальцами, словно это была величайшая драгоценность в мире. Он открутил крышку, поднёс к носу и глубоко вдохнул, довольно прикрыв глаза.

– М-м-м... – протянул он с огромным наслаждением. – Прямо домом пахнет. Уютом. Спокойствием и бабушкиными пирогами. Классная штука вышла. Так какая у тебя идея, Снежная Королева?

– Я хочу его выпустить, – решительно, на одном дыхании выпалила я. Я боялась, что если сделаю хоть малейшую паузу, то испугаюсь и передумаю.

Он открыл глаза и непонимающе посмотрел на меня.

– В смысле, выпустить? – Рома озадаченно почесал лёгкую щетину на подбородке. – Куда выпустить? На волю? В лес погулять?

– В продажу, Рома! – воскликнула я, рассмеявшись. – Для людей!

Он замер. Несколько долгих секунд просто переваривал полученную информацию, забавно хлопая ресницами. А потом вдруг расхохотался.

– Духи с запахом счастья?! – сквозь смех выдавил он, вытирая выступившие слёзы. – Для простого народа?! Ева, ты сейчас серьёзно или издеваешься надо мной? Да кто ж такое в здравом уме купит?

– Почему ты так думаешь? – обиженно насупилась я, скрепив руки на груди.

– Да потому что люди хотят пахнуть успехом, – он развёл руками, едва не смахнув стаканчик с кофе. – Они хотят пахнуть сексом, большими деньгами, статусом. Хотят пахнуть дорогими яхтами, сигарами, кокаином, в конце концов. А ты им предлагаешь пахнуть, извини меня, бабушкиным сараем и булочной.

– Нет же! Ты ничего не понимаешь! – я звонко топнула ногой от возмущения. Я сама удивилась своему внезапному пылу. Раньше я никогда так бурно не эмоционировала в своей стерильной лаборатории. – Они будут пахнуть вовсе не хлебом! Они будут пахнуть ощущением!

Роман перестал смеяться, но всё ещё смотрел на меня с большим сомнением.

– Каким ещё ощущением? – с любопытством спросил он.

– Ощущением того, что всё хорошо, – горячо продолжила я, подходя к нему ближе. – Что ты в полной безопасности. Что тебя искренне любят и ждут дома. Разве ты сам не этого хочешь, когда покупаешь парфюм? Не казаться кем-то другим, крутым и богатым, а просто почувствовать себя чуточку счастливее? Почувствовать комфорт?

Роман замолчал. Он посмотрел на меня очень внимательно и серьёзно. Морщинки-лучики в уголках его глаз разгладились. Кажется, до него наконец-то дошёл глубокий смысл моих слов. Он даже надкусанную булочку отложил в сторону.

– Хм... – задумчиво протянул он, потирая подбородок. – А ведь в этом действительно что-то есть. То есть, ты хочешь продавать не просто модный запах, а чистую эмоцию. Прямо как я в своём фургоне. Я ведь продаю не просто жареное мясо в лаваше, а сытость и радость.

– Именно! – я едва не подпрыгнула на месте от радости, что он меня так быстро и точно понял. – Мы с тобой делаем одно и то же! Только нам теперь нужно правильное название.

– А чем плох «Аромат счастья»? – искренне удивился Рома.

– Это слишком банально. Слишком пошло и заезженно, – брезгливо поморщилась я. – Нужно что-то другое. Что-то простое и... очень честное.

Мы замолчали. Каждый напряжённо думал о своём. Я лихорадочно перебирала в голове десятки пафосных, красивых, но пустых названий из моего прошлого мира высокой парфюмерии. «Золотая вуаль», «Шёпот ночной амбры», «Лунная соната»... Всё не то. Всё это звучало как дешёвая пластиковая фальшивка.

– Слушай, Ева, – вдруг прервал тишину Рома. – А чем вообще пахнет счастье?

– В смысле? – не поняла я.

– Ну вот лично для тебя. Без всяких этих твоих сложных химических терминов и молекул. Просто скажи первое, что приходит в голову.

Я задумалась. Снова послушно закрыла глаза и мысленно

вызвала в памяти этот тёплый, родной аромат. Тёплое, нагретое солнцем дерево. Хрустящая корочка свежего хлеба. Щепотка сладкой ванили. Солнечные зайчики на полу... Это был не просто какой-то абстрактный дом. Это было определённое, очень счастливое время.

– Воскресенье, – тихо прошептала я, открывая глаза. – Утро воскресенья.

– Почему именно утро воскресенья? – с живым интересом спросил Роман.

– Потому что это время, когда никуда не нужно бежать и спешить, – улыбнулась я, чувствуя, как по телу разливается приятное тепло. – Когда вся семья дома. Когда за окном ярко светит солнце, а из кухни доносится умопомрачительный запах маминых пирогов. Когда ты лежишь в своей мягкой кровати, нежишься в тёплых лучах утреннего света, и точно знаешь, что впереди у тебя целый день лени, уюта и безмятежности. Никаких дедлайнов, никаких контрактов, никакого стресса. Только покой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.